

А.Б. ШИРОКОРАД

УТЕРЯННЫЕ ЗЕМЛИ РОССИИ

Александр Широкоград

**Утерянные земли России. От
Петра I до Гражданской войны**

«ВЕЧЕ»

2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Широкоград А. Б.

Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны /
А. Б. Широград — «ВЕЧЕ», 2006

Книга известного военного историка А. Б. Широграда рассказывает об утерянных землях России. За тысячелетнюю историю Руси – России – СССР многочисленные завоеватели постоянно стремились отторгнуть те или иные земли нашего государства и даже полностью лишить его независимости. До XX века, временно захваченные области возвращались в состав России, и более того, рубежи Отечества постоянно расширялись, особенно на юге и на востоке. Политические потрясения первой четверти XX века привели к утрате многих российских окраин. В 1939–1945 годах И. В. Сталин вернул нашей стране большую часть утерянных земель. Но история тех территорий, которые по различным причинам не были возвращены в состав государства, так и остается неизвестной до сих пор. В книге подробно рассказывается об истории обретения и утраты Аляски (Русской Америки), Финляндии, Царства Польского, Карской области и Желтороссии (Маньчжурии с Харбином и Порт-Артуром). Даны также интересные очерки об Островной губернии в Эгейском море и о южном побережье Каспия.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Широград А. Б., 2006
© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Раздел I	5
Глава 1. Вотчина Господина Великого Новгорода	5
Глава 2. Как шведы захватили Неву и как их потом гнали до Стокгольма	17
Глава 3. Войны милых дам	26
Глава 4. Окончательное присоединение Финляндии	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Широкоград

Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны

Раздел I

Великое княжество Финляндское

Глава 1. Вотчина Господина Великого Новгорода

О том, когда Финляндия попала под русское владычество, у историков нет единой точки зрения. На мой взгляд, это формально произошло в лето 6370-го от сотворения мира, то есть в 862 г. от Рождества Христова.

В этом году восточные славяне призвали к себе норманнского конунга Рюрика, известного на Западе как Рёрик Ютландский. А Рюрик, как гласит «Повесть временных лет», привел с собой «всю Русь».

Можно долго спорить о личности Рюрика, хотя я, к примеру, нисколько не сомневаюсь в реальности существования основателя династии русских князей. Однако о русах (руси) упоминают многие византийские и арабские источники. А в финских сказаниях русы именуются рутси (routsi – в переводе «гребцы»). Все авторы-современники называют русами судовые дружины, плававшие по Балтийскому, Черному и Каспийскому морям, а также по Ладоге, Днепру, Волге и другим внутренним водным путям России.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам было гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Вот такие смешанные отряды византийские авторы называли русами, или русью. После призвания Рюрика постепенно название рус – русь распространилось па все государство¹, подвластное его потомкам – Игорю, Святославу и Владимиру.

В VIII в. русы основали город Ладогу (в настоящее время райцентр Старая Ладога). Чуть позже были основаны Смоленск (первоначально город находился на другом месте, которое сейчас археологи называют Гнездовским городищем), Киев и другие города.

Руси принадлежало и южное побережье Финляндии, и Рюрик принес эти территории «в приданое» славянам. О принадлежности русам всего северного побережья Финского залива свидетельствуют не только скандинавские саги, по и находки археологов. Так, в Южной Фин-

¹ Говоря о Древнерусском государстве, я с некоторых пор стал избегать антиисторического термина «Киевская Русь» или «Киевское государство», дабы не подыгрывать «самостийникам» – мошенникам от истории. В IX–XVIII вв. ни у нас, ни за границей не был известен термин «Киевская Русь». Его ввели русские историки в XIX в. как удобную метку.

ляндии были найдены сотни арабских монет VII–IX вв. Точно такие же монеты найдены в районе Старой Ладogi, Гнездовском городище, Киеве и нескольких пунктах на Волге. Наконец, район находок мечей, изготовленных мастерской мастера Ульфберта, – юг Финляндии, Старая Ладога, Гнездово, Киев и некоторые места на Волге.

Ряд историков полагают, что легендарный Остров Русов, воспетый скальдами, это Карельский перешеек. В те далекие времена он действительно был островом: с запада его омывали воды Финского залива, с севера – протекавшая тогда от нынешних Выборга до Приозерска Вуокса, с востока – Ладожское озеро, а с юга – Нева.

Остров Русов

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север. В XI–XII вв. они заселили оба берега Невы. При этом новгородцы принципиально не строили больших крепостей на осваиваемых территориях. Ставить крепость – значит там надо держать гарнизон, да еще приглядывать, чтобы комендант крепости, какой-нибудь служилый князь, не стал бы сепаратистом и не отложился бы от Господина Великого Новгорода.

Как писал советский историк А. В. Куза: «Первоначально... Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их корелами постепенно внедрилась новгородская дань»².

В XI–XII вв. племена в Финляндии, называемые на Руси емь (тавасты), равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно платили дань Новгороду.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и принудительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т. д.

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем по-другому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колонизация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, зани-

² Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 188.

мали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали и туземцев своими крепостными или рабами, дань, наложенная на них, была очень мала. Обратите внимание, что новгородцы в XI–XIII вв. принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И наконец, Русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по-другому и быть не могло – в Новгородских землях царила большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI–XIII вв. была язычниками или полухристианами, то есть поклонялась как Христу, так и Перуну и выполняла обряды обеих религий.

Шведы в XI – начале XII в. эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками. Относительная стабильность в Швеции наступила примерно к 1160 г.

Шведскому королю Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он считал «своей священной обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156-й), сопровождаемый епископом Упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Aurajoki), и там, где ныне стоит город Або»³. Там и была построена первая шведская крепость.

Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь – по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся незапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху. Но финны рвения епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу. 23 мая шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадил город Ладогу. Ладожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной⁴ и устроили там укрепленный лагерь.

Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславич с посадником Захарием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов было убито или взято в плен. Из 55 шнеков сумели уйти лишь двенадцать.

После этого стычек между шведами и новгородцами не было почти 20 лет. Шведы не рискнули прямо нападать на Русь, но продолжали захват финских земель. Впервые Финляндией заинтересовался и Рим. В 1171 г. папа Александр III отправил буллу архиепископу Упсальскому Стефану и шведскому ярлу Гутторну, где призвал «обуздать язычников корел и ижору».

Новгородцы же были втянуты князьями Рюриковичами в их усобицы и практически не реагировали на экспансию шведов. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатою Васильевичем и «пришли домой поздраву, добывши полон». В 1191 г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их

³ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. С. 62.

⁴ Речка, впадающая в Ладожское озеро между Пашею и Сясю, современное название реки – Вороновка или Воронег.

повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских, и особенно у карел, были веские основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради Господа и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм. Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона⁵ и ярлом Биргером из рода Фолькунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202 г.)

Почему же поход 1187 г. назван таинственным? Дело в том, что о нем нет никаких упоминаний в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». При этом и шведские, и отечественные историки⁶ считают «Хронику Эрика» вполне достоверной.

А в России сохранилось даже вещественное доказательство похода – врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сиггуны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии. Врата эти и поныне там, а копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

Итак, русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Так почему же об этом молчат наши летописи? Да потому что летописцы фиксировали буквально каждый шаг наших князей, а походы удалой новгородской вольницы предпочитали не замечать. Так было и потом. Много ли наши летописцы писали о победах ушкуйников над ордынцами?

Обратим внимание, молодцы новгородские оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. (Читатели старше 40 лет наверняка помнят, как в шведских шхерах в 1980-х гг. села на мель наша подводная лодка проекта 613). Явно поход 1187 г. был не первым для новгородской вольницы. Обратим внимание и на поддержку, оказанную новгородцам карелами, ижорой и другими угро-финскими племенами в борьбе с емью и шведами. Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., как об этом говорит летопись. Согласно финской епископской хронике, в 1198 г. новгородцы совместно с корелой разгромили шведскую колонию Або, которая после этого не могла оправиться 10 лет.

Летом 1240 г. шведы попытались захватить устье реки Невы, но были вдребезги разбиты двадцатилетним князем Александром Ярославичем⁷.

В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»⁸ (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов). Командовать войском король поручил Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и

⁵ Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел.

⁶ Например, исследование «Хроники Эрика» в книге: Е. А. Рыздзевская «Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв.» М.: Наука, 1978.

⁷ Подробности Невской битвы я опускаю, а интересующихся отсылаю к моей книге «Дипломатия и войны русских князей от Рюрика до Ивана Грозного».

⁸ Хроника Эрика.

позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Тавастаборг – беда от нее язычникам!.. Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»⁹. О том, где находилась крепость Тавастаборг (другое название – Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна¹⁰. Однако Хяменлинна не очень похож на «детинец», описанный в летописи: судя по летописи, «детинец» стоял на высокой и крутой горе¹¹, в то время как замок в Хяменлинне стоит на небольшой возвышенности, всего на несколько метров возвышающейся над уровнем окружающей местности. К летописному описанию более подходит городище Хакойстенлинна, расположенное в той же части земли еми, в местности Янаккала. Городище это находится на крутом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает, что, во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее новгородскими, подданными, а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) христианство, и они в подавляющем большинстве оставались язычниками.

Вслед за тавастами шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии.

В 1256 г. шведы, датчане и финские племена предприняли поход в Северную Эстляндию и начали восстанавливать крепость Нарву на правом берегу реки. Эта крепость была основана в 1223 г. датским королем Вальдемаром II, но позже разрушена новгородцами.

Новгородцы в 1256 г. не имели князя, поэтому им пришлось послать гонцов во Владимир за Александром Невским. Зимой 1256/57 г. Александр с дружиной прибыл в Новгород. Собрав новгородские войска, Александр отправился в поход. Как говорит летописец, в войске никто не знал, куда идет князь. Александр выбил шведов и К° из Копорья, но далее двинулся не на чужд, как думало все войско и неприятель, а на емь, то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Как гласит летопись «...и бысть зол путь, аky же не видали ни дни, ни ночи». Да, дни зимой в Центральной Финляндии крайне коротки. Несмотря на это, русские побили шведов и подвластных им тавастов и с большой добычей и полоном вернулись домой. Крепость Тавастаборг взята не была, но этот поход Александра надолго отбил у шведов охоту совершать набеги на новгородские земли.

В конце XIII века шведы продолжали грабить купеческие караваны на пути из ганзейских городов в Новгород. Причем они не ограничивались Финским заливом, а периодически заходили в Неву и в Ладожское озеро. Так, согласно Новгородской летописи, в 1283 г. шведские суда прошли Невой в Ладожское озеро и начали грабить новгородцев и «обонежских» купцов. На перехват разбойникам из Ладоги вышли русские суда и побили их.

В следующем, 1284 г. уже большой отряд шведов на лойвах и шнеках¹² под командованием воеводы Трунда вошел в Ладожское озеро и начал грабить прибрежные карельские поселения.

Новгородская дружина под началом посадника Семена Михайловича Смена соединилась с ладожской дружиной под началом посадника Матвея, кстати, сына Семена Михайловича, и двинулась на шведов.

Русские устроили засаду в устье Невы. Когда дружинники Трунда чувствовали себя почти дома, 9 сентября на них внезапно напали новгородцы и ладожане. Уйти удалось совсем

⁹ Там же.

¹⁰ Drake K. «Die Burg Hameenlinna im Mittelalter», 1968, s. 11; «Mika oli Vanain Iinna?» – In: Arx Tavastica. Hameenlinna, 1967, s. 24–38; Juva E., Juva M. «Suomen kansan historia», Helsingissa, 1964, s. 151.

¹¹ Новгородская летопись говорит о «детинце»: «...баше бо место велми силно, твердо, на камени висоце, не имея приступу ниоткуда же».

¹² Лойва – легкое речное гребное судно; шнек – морское судно, обычно использовалось как грузовое.

немногим. Надо ли говорить, что если бы русскими командовал Даниил Московский, а не новгородский посадник Смен, то в школах бы зубрили на одну, а две Невские битвы – 1240 и 1284 гг. Но, увы, увы...

В 1292 г. молодцы новгородские пошли походом в Емскую землю (Тавасттисидию), контролируемую шведами. Согласно новгородскому летописцу, они завоевали всю Емскую землю и с богатой добычей «все здравы» вернулись назад. В том же году 800 шведов вошли на судах в Неву. Далее отряд разделился на две половины: одна часть начала грабить южный берег Невы, а другая – северный. Не дожидаясь прихода новгородцев, ижорцы и карелы сами справились с грабителями.

В следующем, 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)¹³ Торгильтс Кнутссон. Время рождения и происхождения его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскалком. В декабре 1290 г. умер шведский король Магнус Ладулос¹⁴, оставив трех малолетних сыновей – Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном¹⁵ отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками – Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т. д. Тем не менее, по «вуокскому пути» купцы ходили еще в VIII–IX вв., что подтверждается в том числе находками арабских монет VII–IX вв. в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавших коммуникацию Финский залив – Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Корела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуоксу и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом.

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда карел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению карел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство карел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных карел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия – посылала миссионеров, строила церкви, основывались монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь¹⁶.

¹³ *Marscalcus regni* – высшее воинское звание в Швеции в XIII–XV вв.

¹⁴ Ладулос – амбарный замок (*швед.*).

¹⁵ Некоторые историки, в т. ч. И. П. Шаскольский, утверждают, что Кнутссон лично не участвовал в походе.

¹⁶ Время его основания неизвестно, по разным источникам его датируют от XI до начала XIV в.

Был ли Торгильтс Кнутссон основателем Выборга – вопрос довольно спорный. Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII–XV вв. нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее, в конце XIX века финские националисты начали прославлять Кнутссона.

Возникает естественный вопрос, почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 г. сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Федором Чермным в очередной раз навели татар¹⁷ на Русь. Кстати, православные иерархи позже причислили известного ордынского прихвостня Федора Чермного клику святых.¹⁸ Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то есть к Выборгу, князя Романа Глебовича¹⁹, боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец, «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевленные успехом, в конце 1293 – начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски – Корела, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что еще около 830 г. на месте Корелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость.

Дальнейшее лаконично описано в летописи: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»²⁰.

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально, по традиции римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций

¹⁷ На Руси этот поход называли Дюденовой ратью по имени предводителя татар Дюдения. Ущерб от Дюденовой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

¹⁸ Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда». М.: Вече, 2004.

¹⁹ Роман Глебович – удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

²⁰ Цит. по: Шарымов А. М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб.: Ж. «Нева», 2004. С. 90.

VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. (в Троицын день) около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей²¹, командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина ее в устье составляла не менее 80 м, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, ее требовалось закончить быстро – к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а над рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек был и возведены менее мощные фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен были каменными. Крепость получила название Ландскрона – «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611–1617 гг. шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

С 1869 по 1998 г. на мысе Ландскроны находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Пока строилась крепость, 800 шведов под командованием некоего Харальда пошли вверх по Неве и попали в Ладожское озеро (шведы называли его Белым озером). Шведы получили сведения, что на одном из островов Ладожского озера разместился отряд новгородцев, готовящийся напасть на Ландскрону. Однако когда шведы отошли от берега на 40 километров, усилился ветер, и на озере поднялось волнение. Шведы едва добрались до берега – Карельского перешейка. Там они вытащили шнеки на берег и занялись привычным делом: стали грабить местных жителей – карел.

Через пять дней, когда ветер стих, Ладога успокоилась, взятые с собой припасы съедены, а вся окружающая местность опустошена и разорена, шведы двинулись в обратный путь к Неве, так и не выполнив своей задачи. Отряд Харальда подошел к истоку Невы и встретил там, на расположенном в истоке Невы Ореховом острове, шведский передовой отряд, видимо ранее посланный сюда из Ландскроны для того, чтобы контролировать вход в Неву. Харальд оставил на Ореховом острове часть своих людей для усиления стоящего здесь отряда, а с остальными вернулся вниз по Неве в Ландскрону.

Вскоре шведский отряд на Ореховом острове заметил на Ладожском озере флотилию русских судов. Шведы утверждали, что в ладьях у русских была тысяча воинов. Шведский отряд не принял боя и ретировался в Ландскрону.

Таким образом, основные шведские силы в Ландскроне были заранее оповещены о подходе русских и приготовились к бою. Однако вместо русских ладей шведы увидели плывущие на них по течению Невы большие горящие плоты. Плоты были сделаны из сухих деревьев и были «выше иного дома». Но шведские моряки не растерялись – корабли увели в устье Охты, а вход в устье перекрыли большой сосной, привязанной канатом с обеих сторон, но, по-видимому, какие-то шведские корабли все-таки сгорели. Все же атаку русских брандеров можно считать удачной – шведская флотилия была заперта в Охте и не могла противодействовать подходу русских ладей и высадке с них десанта.

Русское войско прямо с кораблей двинулось на штурм Ландскроны. В бой шло не разношерстное ополчение, какое мы привыкли видеть на картинах художников XIX–XX веков, а профессионалы – «кованая рать». Как гласит шведская хроника: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых бронеи; их шлемы и мечи блистали».

²¹ В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

Если шведы на Ореховом острове более-менее правильно оценили численность русского войско, то защитникам Ландскроны со страху показалось, что их атакуют свыше 30 тысяч русских воинов.

Русские стремительно преодолели ров и начали бой на стенах крепости. В этот критический момент две группы рыцарей под началом Матиаса Кетильмундсона и Хенрика фон Кюрна атаковали русских с флангов. После упорного боя обе группы с потерями отошли назад, но штурм был сорван, и русские войска отошли к опушке леса.

Согласно шведской хронике, через некоторое время из Ландскроны выехал совсем еще юный рыцарь Матиус Дроте, вместе с ним ехал переводчик. Толмач подъехал к русскому войску и сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас. Он здесь в полной готовности ждет и хочет побороться с лучшим из вас на жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и пойдет за вами. Если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое. Больше ему ничего не надо». Русские ответили: «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». Русские переговорили между собой, и князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин. Я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские ратники отвечали: «Мы за это не беремся. Здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Молодой рыцарь стоял и ждал до самой ночи, а затем вернулся к своим.

Тут автор, зная новгородцев, позволит себе усомниться в правдивости хроники. В новгородском войске не мог не найтись какой-нибудь Васька Буслаев, и у юного шведа возникло бы много проблем. Тем более что простодушный автор хроники здесь же замечает, что Матиус Дроте через много лет стал шведским канцлером. А от себя добавлю – фактическим правителем страны при несовершеннолетнем короле Магнусе Эрикссоне. Так что Ландскрона вполне могла стать «Малой землей» престарелого канцлера.

Дальше хронист без всякого перехода сообщает, что шведы заключили с русскими перемирие на один день. Возможно, Матиус и ездил с толмачом на переговоры, а хвастливый вызов – это «остроумие на лестнице».

На следующую ночь русские скрытно снялись и ушли. Поход был предпринят одной новгородской дружиной, и для взятия Ландскроны сил явно не хватало.

Шведы тем временем достроили крепость, и в сентябре 1300 г. Кнутссон с основными силами отправился домой. В Ландскроне был оставлен гарнизон – 300 воинов во главе с рыцарем Стеном.

В устье Невы шведским кораблям из-за противного ветра пришлось простоять на якоре несколько дней. Недовольные вынужденным бездействием, Матиас Кетильмундсон и воины его отряда решили зря времени не терять и заняться «полезным» делом. «И они велели свести на землю своих боевых коней», и двинулись в набег по южному побережью Финского залива, по Ижорской и Водской землям. Доблестные воины прошли с огнем и мечом по селениям води и ижоры и «жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся». Как писал И. П. Шаскольский: «Набег не имел никаких политических или религиозных мотивов, шведские воины и не думали принуждать мирное население к повиновению или принятию католической веры; не занимались они даже грабежом (да в бедных крестьянских селениях, наверное, не было такого имущества, которое могло бы заинтересовать заморских пришельцев, – золота, серебра, ценных вещей). Это было разорение ради разорения, ради удовольствия разорять и убивать».

Насладившись убийствами и разорением беззащитного мирного населения, шведские воины вернулись на корабли, и шведский флот двинулся в обратный путь в Швецию, куда он благополучно прибыл в конце сентября 1300 г.»²².

После неудачи под Ландскроной новгородские власти наконец осознали масштабы шведской угрозы и зимой 1300/01 г. отправили послов во Владимир к великому князю Андрею Александровичу Городецкому, третьему сыну Александра Невского. Тот не заставил себя долго упрашивать и уже в начале весны 1301 г. прибыл с дружиной в Новгород.

На подмогу Новгороду двинулась и рать самого сильного тогда удельного князя Михаила Ярославича Тверского. Однако Андрей Городецкий не стал ждать тверского войска, а быстро двинулся к Ландскроне.

Небольшой русский конный отряд вышел к Неве немного выше Ландскроны, предположительно в районе Литейного моста. Там русские начали рубить лес, чтобы заградить реку надолбами и не дать возможности шведскому флоту прийти на помощь Ландскроне. Отряд рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Заграждение Невы пригодилось – шведский флот так и не пришел на помощь Ландскроне.

Андрей Городецкий, подойдя к Ландскроне, сходу начал штурм крепости. Как гласит хроника, русские штурмовали Ландскрону днем и ночью. Русским удалось поджечь строения внутри крепости, после чего бой шел уже на стенах и валах. Когда русские овладели крепостью, уцелевшие шведы во главе со Стеном заперлись в погребе (возможно, ошибка хрониста или переводчика, и это была башня), где после недолгого сопротивления сдались.

После взятия Ландскроны возник вопрос: что делать с крепостью? Как уже говорилось, новгородцы принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Поэтому новгородцы сровняли с землей Ландскрону, как сказано в летописи, «град запалиша и разгребоша». Вновь караваны купеческих судов поплыли по Неве в Новгород и в балтийские страны.

Захват шведами Западной Карелии и постройка там ими Выборгского замка вынудили новгородское правительство предпринять энергичные меры по удержанию под своей властью основную часть Карельской земли. Так, в 1310 г. «ходиша новгородци в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на пороже нов, ветхый сметавше». То есть новгородское войско на судах прошло через реку Волхов в Ладожское озеро в устье реки Узьервы (Вуоксы) в Кореле, разобрало старые, обветшавшие укрепления городского детинца и построило укрепления на новом месте. По данным А. Н. Кирпичникова²³, кексгольмская крепость первоначально находилась у устья реки Вуоксы, и только в 1310 г. местом для возведения новой крепости вместо «ветхой» был избран лежащий у одного из порогов Вуоксы остров, на котором и был построен «Корельский городок».

Новгородцы по-прежнему активно защищали свои владения и торговые коммуникации. В 1311 г. новгородское войско на ушкуях вышло в Финский залив. Ими предводительствовал служилый новгородский князь Дмитрий Романович, сын служилого новгородского князя Романа Глебовича, командовавшего войском в 1294 г. в походе на Выборг.

Русская флотилия подошла к финскому побережью в районе Купцкой реки²⁴. Ушкуи прошли по реке, и далее по рекам, озерам, а где и волоком добрались до Тавастборга. Русские три дня осаждали город, но взять не смогли и отступили. Русское войско разорило районы,

²² Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в., Л.: Наука, 1987. С. 53.

²³ Кирпичников А. Историко-археологические исследования древней Карелы: Корельский город XIV в. Л., 1979. С. 55–60; Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 123–126.

²⁴ Точно ее идентифицировать историки не могут. Одни предполагают, что это река Кюмийоки, другие – Купитаниоки (Kupittaanjoki), называют и другие реки.

населенные племенами емь, и захватило большую добычу. Согласно летописи, в одном из боев был убит знатный новгородец Константин Ильин сын Станимировича. Однако в целом потери были невелики, и русский отряд по реке Перне благополучно достиг Финского залива, а оттуда ушел в устье Невы.

В самом начале 1318 г. новгородцы предприняли новый морской поход. На сей раз их ладьи и ушкуи прошли в Або-Апандские шхеры и по Полной реке (Аурайоки) поднялись до города Або (финское название – Турку) – тогдашней столицы Финляндии. 23 мая 1318 г. город был взят и основательно разрушен, в частности был сожжен абовский собор.

Русские захватили собранный за 5 лет со всей Финляндии церковный налог, предназначенный к отправке в Рим. Затем русское войско морским путем благополучно вернулось в устье Невы и, как сказано в летописи, «приидоша в Новгород вси здорови».

В 1322 г. шведские войска из Выборга двинулись к русской крепости Корела, однако взять ее не смогли и вернулись восвояси. Набег шведов на Корелу возмутил новгородцев, и они решили покончить со шведским осиным гнездом – Выборгом. Тем временем в Новгород прибежал московский князь Юрий Данилович, которого хан Узбек лишил титула Великого князя Владимирского, а брат Иван выгнал с московского престола. Понятно, что московской рати у Юрия не было, разве что небольшой отряд дружинников. Тем не менее, власти Новгорода поручают ему командовать войском в походе на Выборг.

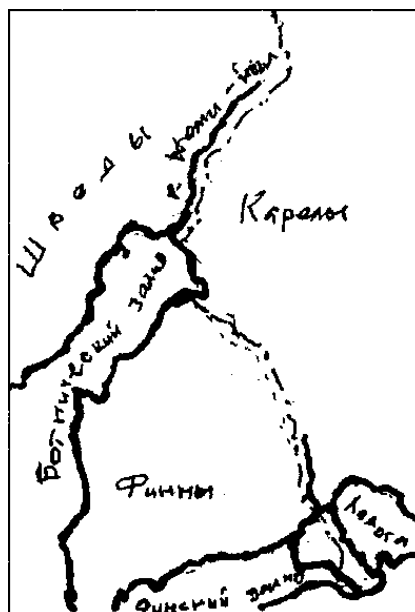
12 августа 1322 г. русская флотилия подошла к Выборгу. Предместья города были преданы огню, каменный замок осажден. Шведский гарнизон устроил вылазку, но назад вернулись немногие. Шесть метательных машин русских («пороков») засыпали замок каменными ядрами. Шведы записали в своей хронике: «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборге великой силой в день святой Клары». Современные финские историки оценивают численность новгородского войска в 22 тысячи человек. Разумеется, это явный перегиб. Со страха шведам бездомный князь показался «великим королем», а русских воинов они видели в три – пять раз больше.

Но, увы, штурм замка, произведенный Юрием 9 октября, не удался. Наступила осень, и близился ледостав на Неве, поэтому Юрий приказал снять осаду. Русское войско с большим полоном вернулось в Новгород.

В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Турессон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а скорее всего посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора – заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой – «крестным целованием».

Фрагмент схемы древней карты представляет нам участок границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

Согласно условиям договора, Новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры (Систербека) на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры, вплоть до ее истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун – «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюэзайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами – сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива – река Патойоки. Как далеко на север простирались русские приботнические владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pohjoeki), а оттуда в западную сторону к мысу Бьюрроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, оттуда к северо-востоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м гг., Русское государство должно было владеть не только Каянской землей – Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива или даже обеими областями, прилегавшими к северной части этого залива – Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тявзинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

Глава 2. Как шведы захватили Неву и как их потом гнали до Стокгольма

В советской исторической литературе укоренился термин «польско-шведская интервенция начала XVII века». По моему же мнению, недопустимо ставить на одну доску Швецию и Польшу, как это делали советские историки, говоря о «польско-шведской интервенции». Можно ли равнять бандита с большой дороги, поджегшего дом с целью грабежа, и недобросовестного пожарного, не сумевшего затушить пламя и позаимствовавшего что-либо на пожаре?

Шведские войска были приглашены в Россию в 1609 г. царем Василием Шуйским для борьбы с Тушинским вором и поддерживавшими его поляками. Увы, большинство наших правителей не обладали стратегическим мышлением. Вместо того чтобы «пускать козла в огород», то есть шведов в страну, которая не признавала власти Москвы, следовало нанести «асимметричный удар» – направить шведов в Лифляндию бить поляков. Кстати, шведы и сами сделают это в 1618 г.

Ошибка царя Василия дорого обошлась России. Шведы захватили Новгород, Старую Руссу, Ладогу и т. д. 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь, на 54 км от ее впадения в Ладожское озеро, был заключен Столбовский мирный договор, по которому к Швеции отошли оба берега Невы, а также все остатки финских и карельских земель, которые оставались у России.

Несколько слов стоит сказать о шведском правлении в Финляндии. На захваченных землях были установлены шведские законы и обычаи. Местное население принудительно обращалось в католицизм. Однако в 1525 г. король Густав Ваза вступил в конфликт с Римом. Ссора, как это обычно бывает, началась из-за денег. Густав испытывал большую нужду в деньгах и посягнул на церковную десятину. В итоге в Швеции в 1527–1537 гг. произошла реформация. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства.

Соответственно и всем финнам в добровольно-принудительном порядке пришлось из католиков обратиться в протестантов.

На Финляндию был распространен общий свод законов Швеции, принятый в 1347 г. и обновленный в 1442 г. Шведский язык стал официальным. Финское население облагалось шведскими повинностями. Судьями назначались исключительно этнические шведы. Короли стремились заселить финские города и почти незаселенные районы вдоль границы с Россией шведами, а самих финнов считали «собственностью Бога, короля и шведской короны». В свою очередь за финнами закреплялось право участия в общешведских королевских выборах.

Перед смертью в 1560 г. король Густав Ваза передал королевский титул старшему сыну Эрику, а остальным сыновьям дал крупные уделы (герцогства). Юхан получил Финляндию, Магнус – Восточную Готландию, а Карл – Зюдерманландию. При этом все герцоги должны были приносить присягу на верность своему старшему брату, который после смерти отца вступил на престол под именем Эйрика XIV.

Так впервые появился термин «герцогство Финляндское». Герцог получил право от имени короля решать все дела Финляндии по своему усмотрению, командовать финскими войсками, отражать нападения, блюсти границу и расширять территорию своих владений.

Финский язык, не имевший письменности, при шведах был языком крестьян и беднейших горожан. Первая книга на финском языке – «Азбука» – была издана в Германии в 1538 г. В ней приводился финский алфавит и краткие указания о произношении буквенных обозначений, а также азбучные постулаты христианства. В 1548 г. на финский язык был переведен «Новый Завет».

Герцог Юхан женился на дочери польского короля Сигизмунда I Екатерине и начал проявлять сепаратистские тенденции. В результате Эрик XIV отправил в Финляндию королевские войска. 12 августа 1563 г. Юхан был вынужден сдаться, его заточили в башне Грипсгольского замка. Свободу Юхан получил в 1567 г., а уже в сентябре 1568 г. вместе с братом Карлом сверг Эрика с престола и сам стал королем под именем Юхана III.

Новый король в 1581 г. вновь дал Финляндии статус Великого княжества и прибавил к своему титулу короля Швеции титул великого князя Финляндии. Финляндия снова стала автономной областью Шведского королевства. Юхан утвердил герб Финляндского княжества, существующий и поныне как государственный герб Финляндии. Любопытно, что этот герб символизирует Финляндию как победителя в борьбе Запада с Востоком. Лев держит в лапе меч западного образца и попирает лапами изогнутый меч Востока.

После Столбовского мира увеличилось число шведских дворян, переселившихся в Финляндию и Ингерманландию, так шведы называли земли, захваченные в 1610–1619 гг. Население Финляндии было поставлено в неравноправное положение по сравнению с населением Швеции. Финляндия выставляла с каждой сотни жителей в два раза больше рекрутов для пополнения армии, чем Швеция. Все административные должности в Финляндии по-прежнему занимали шведы.

Естественно, что Россия не могла оставить свои северные территории в руках шведов. В 1699 г. Петр I принял решение начать войну за возвращение приневских земель и безопасный выход в Балтийское море. Шведская армия, закаленная в ходе Тридцатилетней войны, была одной из сильнейших в Европе. Поэтому Петр поступил мудро, заключив союз против Карла XII с Речью Посполитой, Саксонией и Данией – давними врагами шведов.

Подробности описания 21-летней Северной войны выходят за рамки нашей работы, и интересующихся я отсылаю к моей книге «Северные войны России». Тут же я лишь кратко упомяну об основных этапах войны.

Петр двинул войска к крепости Нарва и осадил ее. Карл XII высадился с армией в Пернове (с 1917 г. – Пярну) и стремительно атаковал русских. Царская армия 19 ноября 1700 г. потерпела сокрушительное поражение. Карл XII решил, что русским потребуется несколько лет для восстановления своих сил, и сделал главным театром боевых действий Речь Посполитую.

Тем временем русские начали потихоньку выбивать небольшие шведские гарнизоны из Приневья и Эстляндии. Но на основном театре военных действий польские и саксонские войска потерпели ряд поражений. Не помог и ввод русских войск в Речь Посполитую. Карл XII выбил русских из Польши и вторгся на русские территории с запада. В июне 1709 г. под Полтавой и на берегу Днепра у Переволочной погибла вся шведская армия. Карлу XII удалось бежать в Турцию, где он стал почетным пленником. Покинуть турецкие владения король смог лишь 1 октября 1714 г.

Итак, шведы остались без армии и без короля. Почему же Северная война затянулась еще на 12 лет? Официальные царские и советские историки старательно уходили от ответа на этот очевидный вопрос.

К концу 1710 г. русские войска заняли Приневье и Эстляндию. Первоначальные цели войны были достигнуты. Но тут Петра в очередной раз «занесло», и он решил «ногою твердой встать» в... Германии. Русскую армию понесло в Померанию, а затем в Голштинию. Свои завоевания в Северной Германии царь попытался закрепить серией династических браков своих детей и даже дочерей слабоумного брата Ивана с владельцами германских малых государств.

Подобные действия вызвали законные опасения союзников России – Пруссии, Саксонии и Дании, и в июне 1714 г. русским войскам пришлось убраться восвояси.

А тем временем 13 июня 1710 г. русским войскам сдался Выборг. Падение Выборга предредило судьбу другой крепости на севере Карельского перешейка – Кексгольма, и 8 сентября шведский гарнизон сдался. Путь в Южную Финляндию был открыт.

Однако из-за германских амбиций царя генеральное наступление русских в Финляндии началось лишь в 1713 г.

Тут стоит сказать несколько слов о географических особенностях Южной Финляндии, которые определяли характер войн как в XVIII, так и в XX в. Северное побережье Финского залива, Аландский архипелаг и побережье Швеции от Эстхамара до Фигехолма представляет собой почти сплошные шхеры. Плавание в шхерных районах – дело весьма трудное, требующее отличного знания местности, так как навигация в шхерах возможна только по строго определенным путям – фарватерам, чрезвычайно извилистым и таящим массу опасностей. Наиболее трудными являются шхерные районы Финляндии и Або-Аландские, несколько легче плавание по шведским шхерам.

Понятно, что до появления паровых двигателей плавание в шхерах больших парусных судов (кораблей и фрегатов) было крайне затруднено, а в отдельных местах вообще невозможно. В результате этого в русско-шведских войнах – 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. – обе стороны имели по два флота: корабельный и гребной, действовавших в подавляющем большинстве случаев независимо друг от друга. Корабельные флоты сражались в открытом море, а гребные – в шхерах.

Таким образом, классическая теория «владения морем» не действовала на Балтике. Большая флотилия русских кораблей не могла перехватить гребные суда, которые могли пройти шхерами из Стокгольма до Выборга и даже до Березовых островов, находящихся рядом с Кронштадтом. На этом маршруте гребным судам приходилось лишь три раза выходить из шхер на 30–40 км в открытое море. Это пролив Седра-Кваркен между шведским берегом и Аландским архипелагом, а также у двух острых, выдающихся в Финский залив полуостровов Ганге и Порккала-Удд. Эти последние два полуострова и были главными стратегическими пунктами в ходе всех войн XVIII–XX вв.

В конце апреля 1713 г. русский галерный флот в составе 204 судов с десантом (16 050 человек) прибыл из Санкт-Петербурга в Кроншлот, где соединился с корабельным флотом (четыре корабля, два фрегата, бомбардирский корабль и две шнявы). 2 мая соединенный флот направился к Гельсингфорсу²⁵⁻²⁶. Корабельный флот, к которому присоединились три корабля и два фрегата из Ревеля, сопровождал галерный флот до Березовых островов, где флоты разошлись. Галерный флот отправился шхерами вдоль берегов Финляндии, а корабельный должен был крейсировать у Выборга.

8 мая галерный флот под командованием Ф. М. Апраксина подошел к Гельсингфорсу. На одной из галер плыл сам царь, но он традиционно считался подчиненным Апраксину. Шведских военных кораблей в порту не было. Город был обнесен валом. Перешеек, соединявший полуостров, на котором находился Гельсингфорс, с материком, имел мощные укрепления. Подступы с моря находились в секторе обстрела трех батарей. В городе было две тысячи пехотинцев и триста кавалеристов под командованием генерала Карла Густава Армфельта.

10 мая русские галеры и два прама начали бомбардировку города. Шведские батареи открыли ответный огонь. Артиллерийская дуэль продолжалась всю ночь. На русских галерах была такая большая потеря гребцов, что они с трудом могли отходить от неприятельских батарей для замены убитых людей новыми. В городе начался сильный пожар. На рассвете, когда русский десант успешно высадился на западном берегу залива Седрахамн, шведский гарнизон,

²⁵ Гельсингфорс – шведское название города, финское название – Хельсинки. Однако на картах Российской империи город по-прежнему назывался Гельсингфорс.

²⁶ Там же.

видя бесполезность дальнейшего сопротивления, вышел из города по направлению к Бор-го. В Гельсингфорсе русскими было захвачено четыре пушки.

17 августа русские войска выступили из Гельсингфорса к Або. Сухопутный отряд численностью 10–12 тысяч человек под командованием М. М. Голицына шел берегом, галерная эскадра под командованием Боциса в составе 29 галер с десантом, всего около четырех тысяч человек, шла к Або шхерами. В Гельсингфорсе остался трехтысячный гарнизон, в Форсе – около одной тысячи человек, команда тыловых транспортов имела около 800 человек.

28 августа русские войска, разбив арьергард шведского войска, заняли Або. Либекер с войском отошел к Тавастгусу (ныне г. Хяменлинна в Финляндии). Эскадра Лиллье, стоявшая у Тверминне, преграждала проход к Або русскому галерному отряду. Это лишало русские войска в Або помощи флота, а также возможности получать продовольствие морским путем.

Невозможность держать крупные силы в Або, затруднения с продовольствием и фуражом, а также опасность быть отрезанными от Гельсингфорса заставили русское командование принять решение отступить на зиму из Або в Гельсингфорс. Сюда же должен был вернуться и галерный флот. В Або был оставлен небольшой гарнизон.

Закончить кампанию 1713 г. планировалось ударом по корпусу Либекера.

В конце сентября русская армия численностью 14–16 тысяч человек пехоты и конницы при 22 пушках под командованием Апраксина подошла к Тавастгусу. Шведы, узнав о приближении русских войск, побросали пушки, которые были в крепости, в воду и отошли от города на 4 мили.

Генерал Армфельт, назначенный вместо Либекера, с 11-тысячным войском занял сильную позицию у реки Пелкина. Эта позиция прикрывала направление на Васу и угрожала русским сообщениям с Гельсингфорсом. В тактическом отношении позиция шведов, расположенная между озерами Маллас-Веси и Пелькяне-Веси, была недоступна с фронта и хорошо защищена с флангов.

Тем не менее, 6 октября 1713 г. русский корпус под командованием генерал-адъютанта князя М. М. Голицына выбил неприятеля с этой позиции. Уцелевшие шведы отошли в район Васы.

Зимой 1713/14 г. русское командование решило вести активные боевые действия. 7 февраля 1714 г. корпус М. М. Голицына (5588 человек пехоты и 2907 конницы при 11 полковых пушках) двинулся к городу Васа, где находились войска генерала Армфельта (8 тысяч шведов и 6 тысяч финнов-ополченцев при 8 орудиях).

18 февраля русские войска встретились со шведским авангардом у деревни Квивила в четырех верстах от деревни Лаппола. Главные силы шведов прикрывали дорогу на город Васу у деревни Лаппола. 14 февраля шведы вновь потерпели поражение и бежали. Обоз и артиллерия были захвачены русскими войсками. Шведы потеряли только убитыми 5133 человека и 535 человек пленными. Остатки шведских войск бежали на север Финляндии к Якобштадту.

Переходя к кампании 1714 г., стоит заметить, что климатические условия Балтийского моря работали против русских. Замерзание в Финском заливе шло с востока на запад, а вскрытие льда – в обратном порядке: западная часть залива очищалась в первых числах марта, а в районе Кронштадта – в середине или даже в конце марта. Поэтому шведы могли раньше приходить к ключевым точкам финского побережья – Ганге и Порккала-Удду.

9 мая 1714 г. галерный флот двинулся «в превосходном порядке и с беспрестанною пальбою из пушек» из Санкт-Петербурга в море. Авангардом командовал корабельный шаутбенахт (контр-адмирал) Петр Михайлов, кордебаталией и одновременно всем флотом – генерал-адмирал Ф. М. Апраксин.

До конца мая галерному флоту пришлось простоять у Березовых островов, поскольку шхерный фарватер от Выборга к Гельсингфорсу был скован льдом. С 11 по 20 июня галерный флот простоял в Гельсингфорсе и только 21 июня двинулся дальше на запад. К вечеру 24 июня

галеры вошли в залив у Пойкирки – места в глубине шхер, от которого начинается выступ в море полуострова Гангут. Со вспомогательных судов началась выгрузка провианта для Финляндского корпуса М. М. Голицына. Далее идти было нельзя – с 25 апреля у полуострова Гангут стояла шведская эскадра адмирала Г. Ватранга.

В сложившейся ситуации русское командование решило прибегнуть к древнейшему способу – перетащить гребные суда волоком в самом узком месте полуострова Гангут. Кстати, этот перешеек так и назывался по-шведски «драгет», то есть волок, переволока. Финны испокон веку использовали его для переправы волоком малых судов.

В походном журнале генерал-адмирала Ф. М. Апраксина говорится, что 23 июля «ездили для осмотра того места, где можно перетаскивать суда». Измеренная длина перешейка, намеченного для строительства волока, составляла 1170 трехаршинных сажений (2527 м). Вечер того же дня на место постройки были посланы по 100 человек от каждого пехотного полка и по 50 от каждого батальона гвардейских полков.

25 июля на флагманский корабль Ватранга 64-пушечный «Бремен» приплыли четыре местных финна и сообщили, что русские собираются перетащить свои галеры через сделанную ими переволоку из залива к северу от Тверминне за полуостров Гангут. Финны сказали, что уже все готово к перетаскиванию судов и русские уже приступили к выполнению своего плана.

По приказу адмирала к обоим концам переволоки были посланы шведские суда. Залив Норр-фьёрден западнее Гангута изобилует мелями и маленькими островами, и посылать туда большие парусные суда было слишком опасно. Поэтому были отправлены все гребные суда, находившиеся при эскадре Ватранга. В их числе были прам «Элефант» (четырнадцать 12-фунтовых и четыре 3-фунтовые пушки), шесть галер и три шхербота. Командовал отрядом гребных судов контр-адмирал Нильс Эреншельд. Всего на судах его отряда находился 941 человек.

К восточной части переволоки Ватранг направил отряд парусных кораблей под командованием адмирала Лиллье. В составе отряда было восемь кораблей, одна шнява и два бомбардирских судна.

Таким образом, адмиралу Ватрангу удалось сорвать попытку русских перетащить галеры через перешеек. Зато ему пришлось разделить свою эскадру на три части. Теперь в ключевой точке – у оконечности полуострова Гангут – находилось лишь шесть шведских кораблей и один фрегат, и, что хуже всего, у Ватранга не было ни одного крупного гребного судна.

Отряды Эреншельда и Лиллье отправились по местам во второй половине дня 25 июля. Эреншельд в тот же день прибыл на место. А Лиллье добраться до стоявших у Тверминне русских галер помешал наступивший штиль. Собственно, штиль и решил исход операции. Русские решили прорваться под самым берегом оконечности полуострова Гангут мимо эскадры Ватранга. Я пишу «решили», поскольку историки до сих пор спорят (не имея никаких документов), кто предложил идею прорыва. Во всяком случае, если бы идея исходила от царя, об этом бы говорили еще в 1714 г.

В 9 часов утра 26 июля отряд из двадцати русских галер пошел на прорыв. Увидев их, Ватранг приказал спустить шлюпки, чтобы они отбуксировали корабли ближе к берегу. Шведы открыли огонь из пушек, но ядра не доставали до русских галер. В результате двадцать галер под командованием М. Х. Змаевича и М. Я. Волкова, не получив повреждений и не имея потерь в людях, «в шхеры щасливо прошли». За первым отрядом русских галер последовал и второй отряд из 15 галер. Итого мимо шведов 26 июля без потерь прошли 35 галер.

Вечером 26 июля адмирал Ватранг допустил роковую ошибку. Он приказал отбуксировать мористее шведские корабли, подошедшие днем слишком близко к берегу, для перехвата русских галер. Ватранг боялся ночного abordжа русских гребных судов. Эта ошибка дорого обошлась шведам. В четвертом часу утра 27 июля 64 русские галеры в кильватерной колонне пошли на прорыв. С авангардом шел А. А. Вейде, с кордебаталией – Ф. М. Апраксин, замыкал цепь идущих на прорыв галер генерал М. М. Голицын с эскадрой арьергарда. Сам же Петр ни

в одном из прорывов лично не участвовал, а позже прибыл к прорвавшимся галерам сухим путем по перешейку.

Шведы вновь попытались отбуксировать свои корабли ближе к берегу, но лишь трем кораблям удалось открыть огонь по русским галерам с предельной дистанции.

С прорывом 99 русских галер отряд Эреншельда, отошедший от места переволоки к Рилакс-фиорду, был отрезан от эскадры адмирала Ватранга. Причем Ватранг даже при желании не мог помочь Эреншельду, не имея больших гребных судов.

27 июля после обеда к «Элефанту» на шлюпке под белым флагом отправился генерал-адъютант П. И. Ягужинский. Поднявшись на борт прама, он предложил шведскому флагману немедленно спустить флаг, указав на невозможность уйти и «на благоразумие избежать пролития христианской крови», обещав при этом Эреншельду и всем его подчиненным хорошее обращение в плену. Ягужинский сказал, что в случае отказа немедленно со стороны русских галер начнется «яростная атака». На что Эреншельд достойно ответил: «Я всю жизнь служил с неизменной верностью своему королю и отечеству и как я до сих пор жил, так и умирать собираюсь, отстаивая их интересы. Царю как от меня, так и от подчиненных моих нечего ждать, кроме сильного отпора, и, ежели он решил нас заплотонить, мы еще с ним поспорим за каждый дюйм до последнего вздоха».

После того как ответ Эреншельда был передан Апраксину, он в два часа дня отдал приказ об атаке. 35 русских галер устремились на шведские суда. Из-за тесноты в Рилакс-фиорде непосредственно в abordage участвовали только 23 галеры. Сам Петр находился на галере, стоявшей вне боевой линии и зоны огня.

Шведы подпустили русские галеры на полупистолетный выстрел (25–35 м) и дали залп из орудий. После второго залпа галеры повернули назад. Согласно шведским источникам, им удалось отбить две атаки, но в ходе третьей русские все-таки abordировали шведские суда. По русским данным, бой продолжался свыше двух часов, что косвенно подтверждает шведскую версию о двух отбитых атаках. Некоторые отечественные авторы считают, что первых двух атак не было, а русские галеры вели артиллерийскую дуэль со шведами, но эти версии более чем неразумны.

Одна задругой были захвачены галеры, последним взят прам «Элефант».

В бою русские потеряли 127 человек убитыми и 342 человека ранеными. У шведов был убит 361 человек и ранено около 350 человек, из них многие очень тяжело. Ко 2 декабря 1714 г. из 580 пленных умерло 200.

Потери шведского флота в Гангутском сражении были сравнительно невелики. Ситуация на море после Гангутского сражения фактически не изменилась, шведы по-прежнему обладали абсолютным превосходством на море, а русские – в шхерах. Самым важным, с военной точки зрения, результатом сражения был прорыв русского гребного флота в Або-Аландский район.

29 июля эскадра Ватранга ушла к берегам Швеции. 1 августа захваченные у шведов суда были отправлены в сопровождении части галер к Гельсингфорсу и далее в Петербург, основные же силы русского флота под командованием Апраксина направились к Або. 3–4 августа галерный флот прибыл к Або, который заняли без сопротивления. В городке Иштадте русские оставили конные галеры²⁷ и грузовые суда. Держась восточного берега Ботнического залива, русские галеры в сентябре 1714 г. дошли до города Васа.

Шведский генерал Армфельт, имевший около 6000 человек пехоты и 600 конницы, отступил в район Торнео. Генерал-адмирал не решился преследовать противника.

В конце кампании по указанию Петра был произведен рейд одиннадцати галер к шведским берегам. Эта акция имела, скорее, пропагандистское, а не военное значение. 11 сентября

²⁷ Конные галеры – это гребные суда, предназначенные для перевозки лошадей.

1714 г. русские галеры под командованием генерал-майора И. М. Головина вышли из района Васы и перешли в самом узком месте Ботнический залив. Кстати, большую часть пути они прошли среди маленьких островов, боясь шведских кораблей. В районе городка Умео была высажена тысяча солдат. Городок взяли без боя. 23 сентября все одиннадцать галер благополучно возвратились в Васу. Операция имела цель продемонстрировать населению и правительству Швеции, что отныне их страна оказалась в пределах досягаемости русского оружия.

В 1715 г. в Финляндии русская армия и гребной флот серьезных боевых действий не вели.

В 1716 г. в Финляндии сухопутными войсками под командованием Голицына был взят город Каяненбург, и неприятельские войска были окончательно вытеснены в Швецию. Галерный флот летнюю кампанию 1716 г. простоял у острова Аланд в ожидании десанта в Швецию. В кампанию же 1717 г. галерный флот в Финляндии простоял в базах.

В 1717 г. Петр увлекся дипломатическими интригами, описание которых выходит за рамки этой работы. О них можно лишь сказать – «пустые хлопоты». В 1717 г. активных боевых действий не велось, за исключением того, что русские суда довольно активно занимались каперством в Балтийском море.

С мая 1718 по весну 1719 г. шли мирные переговоры со шведами, и боевые действия практически не велись. Однако 30 ноября (11 декабря) 1718 г. в Норвегии под крепостью Фредриксхаль Карл XII погиб. По одной версии он был убит датской пулей, по другой – застрелен шведскими заговорщиками. Карл XII не имел детей. Ближайшим наследником был сын его старшей сестры Карл Фридрих, герцог Голштинский, находившийся в войске при дяде во время смерти последнего. Однако шведский ригсдаг фактически произвел государственный переворот и избрал королевой младшую сестру Карла XII Ульрику-Элеонору. По приказу королевы Элеоноры шведские представители на переговорах начали тянуть время, надеясь на вмешательство Англии.

В такой ситуации Петр решил применить силу. В июле 1719 г. галерный флот в составе 132 галер и 100 островных лодок, на которые было посажено 26 тысяч солдат, вышел из Або, прошел Аландский пролив и высадил десант на шведский берег. Командовал галерным флотом генерал-адмирал Апраксин. Русский корабельный флот прикрывал галеры с моря.

Высадившись, русские войска действовали на побережье от городка Гефле на севере и Норчёпинг на юге. Русскими было сожжено 135 деревень, 40 мельниц, 16 магазинов (складов) и два города – Остаммер и Ореgrund. Было разгромлено девять металлургических заводов.

Казачий отряд был высажен в городке Ваксгольм всего в десяти верстах от Стокгольма. Добыча, полученная русскими, оценивалась более чем в миллион талеров, а ущерб, нанесенный Швеции, – в двенадцать миллионов талеров. Казаки были в полутора милях от Стокгольма. В надежде на впечатление, произведенное походом, Петр отправил в Швецию А. И. Остермана за решительным ответом. 10 июля Остерман отправился в Стокгольм под белым флагом и вернулся с грамотой, в которой королева предлагала Петру Нарву, Ревель и Эстляндию, но требовала возвращения Финляндии и Лифляндии.

Зимой 1719/20 г. Петр I решил провести ряд диверсий против Швеции. Участвовать в них должны были несколько казачьих отрядов, которым надо было перейти по льду Ботнический залив из Васы в Умео и разорить там окрестности. Но из-за теплой зимы и слабого льда в Ботническом заливе операция была отменена.

В конце апреля 1720 г. русский галерный флот вышел из Або и направился к западным островам Аландского архипелага. В его составе было 105 галер (из них 19 конных), 110 островных лодок²⁸ и 8 бригантин. На гребных судах находился десант (24 119 человек).

²⁸ Островные лодки – фактически малые галеры, название получили за успешные действия в шхерах.

24 октября от галерного флота отделился отряд бригадира Менгдена в составе 35 галер (в том числе 9 конных). На галерах находилось 6120 солдат пехотных полков и 162 казака. Пройдя шхерами до Васы, этот отряд пересек Ботнический залив и приблизился к побережью Швеции в районе городов Старый и Новый Умео. Менгден высадил конных казаков, произвел разведку побережья и, углубившись более чем на 30 км, разорил шведские магазины и захватил торговые суда. 8 мая его отряд благополучно вернулся в Васу.

20 июля 1720 г. в Гренгамском сражении русские галеры взяли на abordаж четыре шведских фрегата. На этом и закончилась кампания 1720 г.

31 марта (10 апреля) 1721 г. начались мирные переговоры в городе Ништадте (ныне город Усикаупунки). Однако шведы продолжали упрямыться. Они по-прежнему надеялись на Англию. И действительно, 13 (24) апреля 1721 г. английский флот из 25 кораблей и четырех фрегатов под командованием адмирала Норриса отправился на Балтику. В конце апреля флот прошел мимо Копенгагена и встал у острова Борнхольм.

Из-за присутствия британского флота Петр решил отправить к берегам Швеции только часть галерного флота под командованием П. П. Ласси. Отряд Ласси состоял из 30 галер, 9 островных лодок, 33 шлюпок и одного бота, на борту судов находилось 5 тысяч солдат пехотных полков и 450 казаков. Корабельный же флот занял оборонительное положение. Шесть кораблей находились в Ревеле, а остальные – у острова Котлин.

Отряд Ласси пересек Ботнический залив у Аландских островов и 17 (28) мая произвел высадку десанта в 2 км севернее крепости Евле. Шведы немедленно отступили. Затем русские суда прошли вдоль всего шведского побережья Ботнического залива до северного города Питео. Солдаты и особенно казаки Ласси славно погуляли по шведскому побережью. В шведских водах русские галеры захватили и уничтожили 40 шведских каботажных судов. Были разрушены один оружейный и двенадцать железообрабатывающих заводов, сожжены три городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень с 4159 крестьянскими дворами.

Погром, произведенный отрядом Ласси, стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее борьбу, и 30 августа (10 сентября) 1721 г. в Ништадте был подписан русско-шведский мирный договор.

В части границ договор предусматривал следующее:

Швеция уступала России на вечные времена завоеванные русским оружием провинции: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгской губернией, включая не только материковую часть, но и острова Балтийского моря, в том числе Эзель (Сааремаа), Даго (Хийумаа) и Муху, а также все острова Финского залива. К России отходила и часть Кексгольмского округа (Западная Карелия).

Устанавливалась новая линия русско-шведской государственной границы, которая начиналась западнее Выборга и шла оттуда в северо-восточном направлении по прямой линии до старой русско-шведской границы, существовавшей до Столбовского мира. В Лапландии русско-шведская граница сохранялась неизменной.

В ходе 21-летней Великой Северной войны Петру Великому удалось вернуть России земли, которые принадлежали ее князьям еще в IX–XI вв., и добиться выхода к морю. Петр поистине «прорубил окно» в Европу. На Балтике появился мощный русский флот.

Тем не менее, у Ништадтского мира был и серьезный изъян – Петр, торопясь заключить мир, согласился на границу в 120 верстах от новой столицы – Санкт-Петербурга. Поскольку шведская аристократия не смирилась с поражением в войне и мечтала о реванше, такая граница у Выборга становилась источником нестабильности и постоянной головной боли русского правительства.

Что же касается Финляндии, то, как видим, она почти 8 лет провела под властью русских. Петр не собирался присоединять Финляндию к своей державе, и там действовала только рус-

ская военная администрация. Войскам строжайше запрещалось грабить и оскорблять местное население.

При русских в Финляндии быстро восстанавливалась мирная жизнь, расцвела торговля. Впервые была учреждена регулярная почта и приведен в действие почтовый тракт. Вновь открылись традиционные финские ярмарки. Была восстановлена лоцманская часть, поскольку плавание в шхерах являлось основным видом сообщений. По всей Финляндии разрешалось хождение как русских, так и шведских денег. На финское население была наложена контрибуция в виде хлебной и денежной повинностей, она шла на содержание русских войск. Но размер этой повинности был таким же, как и при шведском правлении. Естественно, что этого не хватало, и значительную часть продовольствия и фуража для армии приходилось возить из России.

После восстановления шведской власти права населения Финляндии были еще больше урезаны. Шведские власти стали жестче проводить ассимиляцию финнов.

Глава 3. Войны милых дам

Основной причиной войны 1741–1743 гг. было стремление правящих кругов Швеции к реваншу за Северную войну 1700–1721 гг. Боюсь, читатель поморщится от казенного советского стиля этой фразы. Но, увы, это на сто процентов соответствует действительности. До 1700 г. доходы шведского королевского дома и аристократии с Финляндии, Прибалтики и шведских территорий в Германии были гораздо больше, чем непосредственно со Швеции. Кроме того, собственное сельское хозяйство не могло прокормить население Швеции, и волей-неволей приходилось закупать зерно и другие сельхозпродукты в утерянных землях.

Однако шведское правительство понимало, что новая война один на один с Россией может закончиться для Швеции катастрофой. Войну можно было начать лишь в коалиции с могущественными союзниками либо дожидаться внутренних потрясений в России, которые подорвут ее военную мощь.

В 1731 г между Австрией, Голландией и Англией был заключен Венский договор, направленный против Франции. В свою очередь правительство Людовика XV срочно начало искать союзников. В результате этого Швеция и Турция оказались в сфере французского влияния. Склонялась к союзу с Францией и Пруссия.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. давала шансы на реализацию шведского реванша. Однако в самой Швеции не было единства в вопросе о войне.

Швеция начала переговоры с Турцией о заключении военного союза против России. В ответ императрица Анна Иоанновна запретила вывоз хлеба в Швецию из русских портов.

17 октября 1740 г. императрица Анна Иоанновна скончалась в возрасте 46 лет. На следующий день, 18 октября, столица присягнула новому императору – младенцу Ивану Антоновичу. Он был сыном герцога Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского и Анны Леопольдовны, внучки слабоумного царя Ивана Алексеевича. Однако согласно завещанию Анны Иоанновны регентом при императоре стал немец Бирон.

В ночь с 7 на 8 ноября 1740 г. генерал-фельдмаршал Миних с ведома Антона Ульриха и Анны Леопольдовны поднял по тревоге 80 гвардейцев и совершил государственный переворот. Бирон и десяток его сторонников были арестованы. В ходе переворота не было пролито ни капли крови, если не считать кулачного боя между Бироном и арестовывавшими его гвардейцами.

Теперь Анна Леопольдовна получила неограниченную власть и стала именовать себя «правительницей российской», младенец же Иван по-прежнему числился императором Иваном VI. Что же касается Антона Ульриха, то он представлял собой полнейшее ничтожество и давным-давно не имел интимных отношений с женой. Будучи генералиссимусом, он не играл никакой роли ни в военных, ни в гражданских делах.

Двадцатидвухлетняя Анна Леопольдовна была глупа и почти все время валялась в огромной постели, читая душеспасительные романы. Впрочем, в постели она никогда не бывала одна. Там постоянно находилась ее любимая фрейлина Юлиана фон Менгден. Некоторые высоко нравственные дореволюционные историки писали о возвышенной дружбе двух этих дам. А безнравственные современники не стеснялись их называть лесбиянками.

Развал системы управления в стране не был секретом ни для русских, ни для иностранных дипломатов в Петербурге. И те и другие прекрасно понимали, что хаосу в верхах скоро придет конец.

Наиболее реальной претенденткой на русский престол была Елизавета Петровна. За 16 лет офицерство, чиновники, да и просто обыватели устали от немецкой???? правившей от имени ничтожных и нелегитимных монархов. Жестокие и нелепые указы Петра I были напрочь забыты, и все вспоминал и только его победы и достижения. В дочери Петра все видели воз-

рождение Великой России и освобождение от ненавистных немцев. О незаконности ее рождения, теперь, в 1740–1741 гг., никто не вспоминал.

После смерти Анны Иоанновны в Петербурге стали зреть сразу два заговора в пользу Елизаветы. Один – спонтанный, снизу среди солдат и младших офицеров гвардейских полков. Другой же заговор готовился послом Франции Иахимом-Жаком де ля Шетарди и послом Швеции Эриком Нолькеном. Причем если Шетарди вступил в контакт с Елизаветой по прямому указанию своего правительства, то Нолькен действовал в основном в инициативном порядке. В инструкции Шетарди, данной ему кардиналом де Флёр, Елизавета была указана как единственное лицо, в пользу которого нужно было действовать для свержения немецкого правительства и для оттеснения России обратно на восток. Посредником между дипломатами и Елизаветой стал ее личный врач Иоганн Лесток, француз по происхождению.

Франция предложила Швеции полностью оплатить все издержки в войне с Россией. Шетарди потребовал от Елизаветы Петровны подписать обращение к русским войскам в Финляндии не сопротивляться шведам, а также дать письменные гарантии территориальных уступок шведскому королю. У Елизаветы хватило ума отвертеться от письменных обязательств, на словах-то она была на все согласна, а взамен просила 100 тысяч рублей.

Посол Нолькен выдал требуемую сумму. Сколько выплатил Шетарди – точно не установлено. Известно, к примеру, что в сентябре 1741 г. он выдал ей 2 тысячи золотых. Деньги Швеции и Франции были использованы как на подкуп гвардейцев, так и на оплату долгов Елизаветы, выражавшихся в десятках тысяч рублей.

Посол Нолькен сообщил в Стокгольм, что Россия на грани государственного переворота, что войска не будут сражаться за Анну Леопольдовну и т. д. В Стокгольме сделали вывод, что достаточно одного только вида шведских войск, чтобы власть Анны Леопольдовны и немцев рухнула, а новая императрица в благодарность за помощь щедро наделила бы шведского короля русскими землями.

28 июля 1741 г. шведский король объявил России войну. Главным театром военных действий стала Финляндия. Начальником шведского войска в Финляндии был назначен граф Левенгаупт, сеймовый маршал, самый популярный в это время человек в Швеции. Маршал собирался осень встретить в Петербурге.

Однако 23 сентября 1741 г. шведы были наголову разбиты у Вильманстранда (немного севернее Карельского перешейка). Но тут русский командующий фельдмаршал П. П. Ласси 25 августа приказал совершенно разрушить город Вильманstrand, а жителей вывезти в Россию. Сам же он с армией двинулся... к русской границе и вернулся в лагерь, который он покинул неделю назад. Анна Леопольдовна и ее окружение выразили неудовольствие подобным маневром, но вынуждены были довольствоваться отписками Ласси. На этом кампания 1741 г. в Финляндии закончилась.

В ночь на 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна подняла роту Преображенского полка и захватила Зимний дворец. Елизавета отправилась во внутренние помещения дворца, не встречая сопротивления караульных. Войдя в комнату правительницы, которая спала вместе с фрейлиной фон Менгден, Елизавета сказала ей: «Сестрица, пора вставать!» Анна Леопольдовна, проснувшись, удивилась: «Как, это вы, сударыня?!» Увидев за спиной Елизаветы гренадер, она догадалась, в чем дело и стала умолять цесаревну не делать зла ни ее детям, ни девице Менгден, с которой бы ей не хотелось разлучаться. Елизавета обещала Анне все это, посадила ее в сани и отвезла в свой дворец, за ними в других санях отвезли туда же маленького Ивана Антоновича.

Утром был издан краткий манифест о восшествии на престол Елизаветы Петровны.

11 января 1742 г. Шетарди лично прочел Елизавете требования французского короля о территориальных уступках Швеции. Елизавета вежливо, но категорически отказала.

К началу июня 1742 г. у Ласси в Финляндии была 36-тысячная армия. 7 июня русские выступили из-под Выборга и двинулись вдоль Финского залива, чтобы иметь возможность получать морем продовольствие и боеприпасы.

13 июня Ласси получил сведения о сосредоточении шведских войск (19 пехотных и 7 конных полков) на сильно укрепленной позиции в районе Мендолакса. 20 июня русская армия вышла к рубежу реки Вираоки. Здесь были оставлены обозы и лишние тяжести. Взяв с собой продовольствие на десять дней и боеприпасы, русские войска продолжали наступление. К 25 июня они, преодолев труднопроходимую местность, приблизились к Мендолаксу. С фронта позиция шведских войск была недоступна, а с флангов к ней вела только узкая дорога. Несмотря на это, Ласси решил атаковать противника. Но как только русские войска перешли в наступление, шведы оставили свои позиции и отошли в Фридрихсгам. Главные же силы шведов сосредоточились в лагере при Сумме. Вслед за отступающим противником к Фридрихсгаму подошли русские войска. Как только шведам стали известны намерения Ласси, Левенгаупт поспешно отошел к Гельсингфорсу. Отступающие шведы сожгли Фридрихсгам.

2 июля Ласси получил из Петербурга приказ: если шведы отойдут за реку Кюмень, не двигаться дальше и остановиться здесь, а главные силы отвести на зимние квартиры к Фридрихсгаму. Но военный совет решил продолжать движение к Гельсингфорсу. Это решение Ласси мотивировал тем, что противнику надо нанести решительное поражение и заставить финские полки прекратить сопротивление и оставить шведскую армию при подходе русских войск.

В то же время отряд князя Мещерского вышел из Кексгольма и, двинувшись на север, без боя занял город Нейшлот. Далее Мещерский пошел на запад параллельно берегу Финского залива в 70–80 верстах от него. Вскоре его отряд занял город Тавастгус.

В августе армия Ласси окружила шведские войска у Гельсингфорса. Теперь шведская армия могла получать подкрепления только морем. Но и эта связь скоро прекратилась, так как шведский флот из-за начавшейся эпидемии ушел из Гельсингфорса в Карлскрону, а эскадра Мишукова заперла шведскую армию с моря.

В Гельсингфорсе было заперто 17 тысяч шведов, русских же было там не более 17,5 тысячи. Тем не менее, 24 августа командующий армией генерал Буснет капитулировал. За несколько дней до этого генералы Левенгаупт и Будденброк оставили армию и бежали в Стокгольм «для отчета сейму о своих действиях». По условиям капитуляции шведским военнослужащим было разрешено убыть в Швецию с личным оружием, полковая и крепостная артиллерия шведов (90 орудий) доставалась русским. Финны, служившие в шведской армии, отказались ехать в Швецию и были распущены по домам. Вскоре войска Ласси и Мещерского соединились в городе Або.

Корабельные флоты обеих стран на Балтике в 1741–1742 гг. действовали довольно пассивно, хотя в целом превосходство было на стороне русских.

В кампанию 1742 г. русский галерный флот предпринял активные действия – совершил несколько набегов на Аландские острова и прошелся вдоль всего финского побережья Ботнического залива до города Васа.

В январе 1743 г. в городе Або, захваченном русскими войсками, начались переговоры о мире.

Шведские войска были выбиты из Финляндии, и у командования русских войск возникло естественное желание не пускать туда впредь шведов. 22 февраля 1743 г. Елизавета Петровна велела подать мнение об условиях мира со Швецией высшим военачальникам и чиновникам империи. Фельдмаршал князь Трубецкой заявил, что надо всеми силами удержать всю Финляндию: «Возвратить ее Шведской короне ни по каким правильным причинам невозможно, ибо в противном случае не только всему свету подастся повод рассуждать не к пользе и не к славе оружия ее величества, но и для благополучия и безопасности Российской империи весьма надлежит, чтоб граница была отдалена, ибо опасность от близкой границы нынешняя

война доказала; наконец, обыватели финляндские, видя, что их страну возвратили шведам, в другой раз будут противиться всеми силами русским войскам». Как видим, мнение было весьма логично. Его поддержал вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин, предложив заключить мир на условиях «*uti possidetis*» («кто чем владеет») и лишь в крайнем случае присоединить к России районы Або и Гельсингфорса, а на остальных финских землях создать независимое нейтральное государство. По мнению фельдмаршала Ласси, адмирала Головина и других, нужно было бы отдать шведам лишь северные районы Финляндии, а остальные присоединить к империи.

Но каприз Елизаветы, которому успешно подыгрывали шведы, оказался сильнее мнения опытных полководцев и политиков. Дело в том, что король Швеции Фредерик I не имел детей, и шведский риксдаг был сильно озабочен поисками наследника престола. Ряд шведских аристократов предложили избрать наследником шведского престола любекского епископа Адольфа Фридриха Голштинского. Елизавета пришла в восторг от этой идеи. Во-первых, Адольф был двоюродным дядей юному Карлу Петру Ульриху Голштинскому²⁹, которого Елизавета назначила своим наследником. Кстати, детские годы он провел у Адольфа в Любеке. Во-вторых, Адольф был родным братом Карла Августа, который был женихом самой Елизаветы, но умер в июне 1727 г. в Петербурге незадолго до венчания. Нетрудно догадаться, какое впечатление произвела смерть красавца-принца на его семнадцатилетнюю невесту. Елизавета помнила жениха всю жизнь. И тут появилась возможность помочь его родному брату. Разумеется, 33-летняя Елизавета уже не была наивна и сентиментальна, но... кто из нас порой не обольщается! И Елизавета всерьез поверила, что Адольф, взойдя на престол, будет если не другом, то, по крайней мере, ее союзником.

Шведские же уполномоченные объявили Румянцеву и Любрасу, что епископ Любекский изберется наследником престола только на определенных условиях, как-то: Россия возвратит Швеции все завоеванное, заключит с ней оборонительный и наступательный союз, ибо в случае выбора епископа Любекского война с Данией неизбежна. Дело в том, что датский король Кристиан VI норовил пролезть в наследники шведского престола.

В ответ на подобные предложения шведов Румянцев ответил, что в деле наследства они вольны поступать как хотят, но только императрица никогда всей Финляндии им не возвратит, а если шведы будут упрямиться, то русская делегация покинет Або.

Но при дворе Елизаветы сформировалась партия сторонников Адольфа. Видную роль среди них играли Брюмер – гофмаршал наследника Петра, лейб-медик Лесток, тайный советник Бреверн и др. О таких Румянцев писал в Петербург Бестужеву, что им «в том нужды нет, хотя бы мы и Новгород отдали, только бы его герцог королем избран был».

23 июня 1743 г. король Фредерик и риксдаг единогласно избрали «коронным наследником» принца Адольфа Фридриха.

7 августа 1743 г. в Або был подписан окончательный мирный договор. Согласно Абоскому миру, к России отходили Кюменегорская губерния, то есть бассейн реки Кюмийоки с городами Фридрихсгам и Вильманstrand, а также город Нейшлот (по-фински Олавилинна) из провинции Саволакс. Русско-шведская граница, начиная от побережья Финского залива, шла с этих пор прямо на север по руслу реки Кюмийоки, а затем по ее первому притоку слева и по границам бассейна реки Кюмийоки на востоке вплоть до города Нейшлота в Саволаксе, а оттуда по старой русско-шведской границе.

Через 45 лет, летом 1788 г. взбалмошный шведский король Густав III объявил войну России. Король надеялся на то, что Россия, занятая войной с Турцией и противопартизанскими действиями в Польше, не сможет оказать сильное сопротивление. Шведский король предъ-

²⁹ Он вступит в 1761 г. на русский престол под именем Петра III, но через несколько месяцев умрет от «геморроидальных коликов».

явил России ультиматум: наказать графа Разумовского (русского посла), отдать шведам земли в Финляндии, отошедшие России по договорам 1721 и 1743 гг., а также всю Карелию, турецкому султану вернуть Крым и заключить мир с Турцией на условиях султана.

Комментировать сей пассаж нужды нет. Прочтя ноту Густава, посол Пруссии в Петербурге барон Келлер заметил, что она «сочинена, конечно, в замешательстве ума». Отправляясь в поход, Густав писал своему другу Армфельду: «Мысль о том, что я могу отмстить за Турцию, что мое имя станет известно Азии и Африке, все это так подействовало на мое воображение, что я не чувствую особенного волнения и оставался спокойным в ту минуту, когда отправлялся на встречу всякого рода опасностям... Вот я перешагнул через Рубикон».

С военной точки зрения война эта интересна в плане морских сражений, и тут я отсылаю интересующихся читателей к моей книге «Адмиралы и корсары Екатерины Великой».

Густав III сосредоточил в Южной Финляндии около 40 тысяч шведских войск. Кроме того, под предлогом учений было мобилизовано 15–18 тысяч территориальных финских войск.

В начале июля 1788 г. 36-тысячная шведская армия во главе с самим королем перешла русскую границу в Финляндии. Шведы осадили небольшую русскую крепость Нейшлот. Густав III прислал ультиматум коменданту крепости однорукому майору Кузьмину, в котором требовал немедленно открыть крепостные ворота и впустить шведов. На это майор ответил королю: «Я без руки и не могу отворить ворота, пусть его величество сам потрудится». Замечу, что гарнизон Нейшлота составлял всего 230 человек. Но, увы, в течение всей войны шведы так и не сумели открыть ворота Нейшлота, зато основательно разграбили окрестности. Екатерина II писала Потемкину: «По двудневной стрельбе на Нейшлот шведы пошли грабить Нейшлотский уезд. Я у тебя спрашиваю, что там грабить можно... Своим войскам в Финляндии и шведам [Густав] велел сказать, что он намерен превосходить делами и помрачать Густава Адольфа и окончить предприятия Карла XII. Последнее сбыться может, понеже сей начал разорение Швеции».

Армия же под командованием генерал-аншефа В. П. Мусина-Пушкина вела себя крайне пассивно.

22 июля 1788 г. шведская армия подошла к крепости Фридрихсгам и блокировала ее. Состояние крепости было плачевное, никаких каменных бастионов не было и в помине. Земляной вал повсюду обвалился. Артиллерийское вооружение состояло из шведских орудий, захваченных еще в войну 1741–1743 гг. Гарнизон крепости составлял 2539 человек. Однако шведы постояли два дня у Фридрихсгама, а затем отступили.

В отступлении шведов Екатерина поначалу увидела «руку Божию, наказывающую вероломство». На самом же деле 24 июля в королевской армии начался мятеж. Значительная часть офицеров-шведов и почти все офицеры-финны не хотели воевать. В деревне Аньяла недовольные устроили офицерское собрание, позже получившее название «аньяльской конфедерации». На собрании офицеры заявили, что война ведется королем незаконно, без согласия риксдага, и потребовали от Густава немедленно заключить мир. Король отказался, заявив, что мир будет для него «самоубийством».

Солдаты двух финских полков бросили ружья и разошлись по домам. Король был вынужден отойти от Фридрихсгама и занять позицию у Кюмень-города.

Отряд шведов, наступавший от Сент-Михеля (ныне город Миккели в Финляндии) через Кири и Гарданески к Вильманстранду, также вынужден был из-за мятежа остановиться и вернуться назад.

Ряд зарубежных историков считает, что альяльская конфедерация была создана «приисками русского правительства». Однако документы свидетельствуют, что о конфедерации императрица узнала лишь 31 июля. В этот день в Петербург прибыл депутат от конфедерации майор Юхани Егергорн, финн по национальности.

В «мемориале» к русскому правительству конфедераты заявили, что они не участвуют в незаконной войне, ведущейся королем «противу народного права и их законов». Екатерина лично вела переговоры с майором Егергорном. Любопытно, что Егергорн в беседах с императрицей неоднократно поднимал вопрос о создании независимого финского государства. Причем он делал это в инициативном порядке, поскольку в альянской конфедерации не ставился вопрос о независимости Финляндии.

Екатерина отправила благожелательный ответ конфедератам, но не поставила своей подписи. В своем кругу она даже осуждала конфедератов: «Какие изменники! Буде не таков был король, то заслуживал бы сожаления. Но что делать? Надобно пользоваться обстоятельствами: с неприятеля хоть шапку долой». Зато теперь Екатерина была уверена в исходе войны с Густавом III. 14 августа она писала Потемкину: «И так все беспокойства ваши мне теперь чувствительнее, нежели дурацкая шведская война, в которой смеха достойные ныне происхождения, и, по-видимому, кончится собранием Сейма в Финляндии и Швеции, и тогда станем со штатами трактовать о мире». С тех пор в переписке Екатерина величала короля Фуфлыгой.

Воспользовавшись беспорядком в шведском войске, Мусин-Пушкин решил перейти границу и атаковать неприятеля. Но Екатерина запретила производить любые наступательные действия на суше, в надежде на окончательный переход армии к конфедератам.

Таким образом, до конца 1788 г. боевые действия на суше не велись. По колкому замечанию современника, шведы в этом походе нуждались не столько в солдатах, сколько в трубачах для оказания услуг при непрерывном обмене визитами шведских и русских парламентариев.

Между тем в войну со Швецией вступила Дания. Нападение датчан вызвало всплеск национализма в Швеции, которым не замедлил воспользоваться Густав III. Он собрал в Швеции довольно большое ополчение. А зимой 1788/89 г. риксдаг в Стокгольме был вынужден принять ряд законов, навязанных королем (в том числе и так называемый «Акт единения и безопасности», дававший королю почти самодержавную власть).

Теперь Густав мог расправиться с альянской конфедерацией. В 1789 г. было арестовано 125 офицеров-конфедератов, несколько десятков офицеров скрылись в Финляндии и России. В числе последних был и собеседник Екатерины майор Егергорн. Арестованных офицеров военный суд приговорил к смертной казни. Но привести приговор в исполнение Густав не посмел и ограничился казнью одного из конфедератов – полковника Хестеску.

В начале 1790 г. Екатерина II заменила Мусина-Пушкина на генерал-аншефа графа И. П. Салтыкова. В кампанию 1790 г. в первых стычках успех способствовал шведам. Но 22 апреля отряд генерал-майора Ф. П. Денисова³⁰ в районе деревни Гайнали разбил 7-тысячный корпус шведов, которым командовал сам Густав III. Одновременно генерал-поручик Нумсен овладел шведскими укреплениями на правом берегу реки Кюмень, взяв 12 пушек и более 300 пленных. Отряд генерал-майора Ферзена потеснил противника в районе Свеаборга. Таким образом, вся кампания 1790 г. шла исключительно на шведской территории, но по-прежнему велась вяло. В середине июля боевые действия прекратились в связи с начавшимися переговорами о мире.

Оценивая боевые действия в Финляндии в 1788–1790 гг., следует заметить, что в отличие от войны 1700–1721 гг. и 1741–1743 гг. боевые действия обеими сторонами велись крайне нерешительно. За три года войны не произошло ни одного крупного сражения. Противники буквально топтались на небольшом пятячке в сто верст в длину и столько же в ширину.

Эта война с самого начала была глупой с точки зрения политических целей и военной стратегии, а в Финляндии она была таковой и с точки зрения тактики.

3(14) августа 1790 г. в мызе Вереля (Вяряля) в районе современного города Коуволабыл подписан мирный договор между Шведским королевством и Российской империей. Договор

³⁰ Денисов Федор Петрович, родился в Пятиизбенной станице на Дону в 1738 г. В 1756 г. поступил простым казаком в полк. В 1799 г. первым из казаков получил графский титул.

был признан бессрочным. Основными условиями договора стали: восстановление «вечного мира», подтверждение незыблемости постановлений Ништадтского и Абоского мирных договоров; сохранение статус-кво и неизменности прежних границ.

Екатерину II вполне устраивал ничейный результат войны с королем Фрушгойд, как она называла Густава III. Главный интерес для императрицы представляли Османская империя и Речь Посполитая. Основным же итогом войны было то, что в Петербурге осознали, что столица империи слишком уязвима как с моря, так и с суши. Одновременно выяснилась слабость королевской власти в Финляндии.

Глава 4. Окончательное присоединение Финляндии

В сражении под Фридландом 2(14) июня 1807 г. русские войска были наголову разбиты французами, и Александру I ничего не оставалось, как мириться с Наполеоном.

Посреди реки, разделявшей французскую армию и остатки разбитой русской армии, французские саперы построили огромный плот с нарядной палаткой посередине. На этом плоту 25 июня 1807 г. в

П часов утра состоялась встреча двух императоров. Наполеон первым обратился к Александру: «Из-за чего мы воюем?» Ответить «лукавому византийцу» было нечем. Еще в 1800 г. на докладе В. Ф. Ростопчина напротив слов «Англия вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции» Павел I собственноручно написал: «И нас, грешных».

Подробное изложение обстоятельств и условий заключения Тильзитского мира лежит за рамками данной работы. Поэтому я ограничусь сутью пожеланий и требований Наполеона к Александру. Это – как можно меньшее вмешательство России в дела Германии и других западноевропейских государств и разрыв союза с Англией. При этом Наполеон не требовал заключения какого-либо военного союза между империями. Он хотел лишь строгого нейтралитета России. Взамен он предлагал России решить свои проблемы со Швецией и Турцией. Причем в первом случае Наполеон был абсолютно искренен, а во втором был достаточно непоследователен и откровенно лукавил. Это и понятно – турецкий вопрос сильно задевал национальные интересы Франции. Не менее сильно это касалось и австрийских интересов. А Наполеон в 1807–1808 гг. не мог точно установить баланс отношений России и Австрии.

Непосредственным поводом к новой русско-шведской войне стало нападение британского флота на Данию. Российский императорский дом (Голштейн-Готторпская династия) имел родственные связи с датским и голштинским дворами. Кроме того, Дания уже сто с лишним лет была союзницей России в войнах со Швецией.

В октябре 1807 г. Россия предъявила Англии ультиматум – разрыв дипломатических отношений до тех пор, пока не будет возвращен Дании флот и возмещены все нанесенные ей убытки. Началась вялотекущая англо-русская война. Посольства были взаимно отозваны. Указом Сената от 20 марта 1808 г. Александр I наложил запрет на ввоз английских товаров в Россию.

5 февраля Наполеон заявил русскому послу в Париже графу Толстому, что он согласится на то, чтобы Россия приобрела себе всю Швецию, не исключая и Стокгольм. Наполеон шутил, что, мол, прекрасные петербургские дамы не должны больше слышать шведских пушек (он намекал на Красногорское сражение в 1790 г.).

В свою очередь Англия в феврале 1808 г. заключила со Швецией договор, по которому она обязалась платить Швеции по 1 млн. фунтов стерлингов ежемесячно во время войны с Россией, сколько бы она ни продолжалась. Кроме того, англичане обещали предоставить Швеции

14 тысяч солдат для охраны западных границ Швеции и ее портов, в то время как все шведские войска должны были отправиться на восточный фронт против России.

После заключения этого договора уже никаких надежд на примирение Швеции и России не было: Англия уже вложила средства в будущую войну и стремилась как можно быстрее извлечь военно-политические дивиденды.

Формально повод для начала войны дали сами шведы. 1 (13) февраля 1808 г. шведский король Густав IV сообщил послу России в Стокгольме, что примирение между Швецией и Россией невозможно, пока Россия удерживает Восточную Финляндию, присоединенную к России по Абоскому договору 1743 г. Спустя неделю Александр I ответил на вызов шведского короля объявлением войны.

Для ведения войны со Швецией была сформирована 24-тысячная армия, командование которой Александр поручил генералу от инфантерии графу Ф. Ф. Буксгевдену. Выделение столь малых сил объяснялось тем, что Россия продолжала вести войну с Турцией, а с другой стороны, основная часть русских войск располагалась в западных губерниях на случай новой войны с Наполеоном.

Шведские войска численностью 19 тысяч человек были разбросаны по всей Финляндии. Командовал ими генерал Клекнер.

9 февраля 1808 г. русская армия перешла границу Финляндии на реке Кюмень. В ночь с 15 на 16 февраля русские войска разбили отряд шведов под командованием Адлеркрейца у местечка Артцио. Когда русские войска выдвинулись на реку Борга, они получили известие о сборе шведских сил у Гельсингфорса. Но это оказалось дезинформацией, на самом деле шведы сосредоточились у Тавастуса. Буксгевден сформировал отряд генерал-майора графа Орлова-Денисова в составе егерского и казачьего полков и одного эскадрона драгун для захвата Гельсингфорса. Отряд форсированным маршем двинулся к Гельсингфорсу, следуя где береговой дорогой, а где прямо по льду. 17 февраля при подходе к городу Орлов-Денисов встретил шведский отряд. После короткой стычки неприятель бежал. Русские взяли шесть полевых пушек и 134 пленных. 18 февраля в Гельсингфорс вступили основные силы русских во главе с генералом Буксгевденом. В городе было найдено 19 орудий, 20 тысяч ядер и 4 тысячи бомб. 28 февраля русские, несмотря на сильный мороз, заняли Таммерфорс.

Генерал Клекнер растерялся и потерял управление войсками, поэтому в конце февраля он был сменен генералом Морицом Клингспором. Но новый главнокомандующий оказался не лучше прежнего и 4 марта потерпел поражение у города Биернеборга. Таким образом, русские вышли на побережье Ботнического залива. Большая часть шведских войск отошла вдоль побережья на север к городу Улеаборгу.

10 марта бригада генерал-майора Шепелева без боя заняла город Або. И только после этого жители Российской империи узнали о войне со Швецией. В газетах было опубликовано сообщение: «От военного министра о действиях Финляндской армии под главным начальством генерала от инфантерии Буксгевдена». Жители Петербурга извещались о том, что «Стокгольмский двор отказался соединиться с Россией и Данией, дабы закрыть Балтийское море Англии до совершения морского мира». В сообщении указывалось, что, истощив способы убеждения, русские перешли границу и вели успешные бои.

16 марта 1808 г. царь порадовал население и поставил все точки над «i» в Высочайшем манифесте (Декларации) о присоединении Финляндии. Поводом для издания манифеста послужил арест 20 февраля (3 марта) 1808 г. русского посла в Стокгольме Алопеуса и всех членов посольства. В Манифесте говорилось: «Явная преклонность короля шведского к державе нам неприяженной, новый союз ней и, наконец, насильственный и невероятный поступок с посланником нашим в Стокгольме учиненный... сделали войну неизбежной».

Присоединение Финляндии (шведской части) к России в Манифесте рассматривалось как репрессивный акт в ответ на невыполнение Швецией союзнических обязательств в отношении России по договору 1800 г. и ее союз с врагом России – Англией.

В Манифесте говорилось, что «отныне часть Финляндии, известная под наименованием Шведской Финляндии (юго-западная часть), занятая русскими войсками, понесшими потери в людской силе и издержки материального порядка, признается областью, покоренной силой русского оружия, и навсегда присоединяется к Российской империи».

Любопытно, что сей Манифест (Декларация) не был подписан царем, как это было положено. «Властитель слабый и лукавый» и здесь остался верен себе. Манифест (Декларация) был односторонним актом России. Его назначением было объявить Швеции и всему миру, что присоединение Финляндии к России предрешиено независимо от дальнейшего хода военных действий.

Но вернемся к боевым действиям в Финляндии. Небольшой отряд шведов покинул Або и укрылся на Аландских островах. За ним погнались казаки под началом майора Нейдгарда и батальон егерей под командованием полковника Вуича. 17 февраля Вуич вошел в город Аланд, захватил местные военные склады и уничтожил станцию оптического телеграфа, связывавшую острова со шведским берегом. Однако непосредственный начальник Вуича князь Багратион приказал ему очистить Аландские острова. Но, вернувшись, Вуич получил указание, шедшее из самого Петербурга, вновь занять острова. Для этого Вуичу дали батальон 25-го егерского полка (тот самый, с которым он был в Аланде), 20 гусаров и 22 казака. 3 апреля Вуич занял остров Кумблинге в самой середине архипелага. Там он и остановился. С приближением весны главнокомандующий Буксгевден, сознавая опасность положения наших войск на Аландских островах, намеревался возвратить их обратно, тем более что само пребывание войск для пресечения движения шведов по льду из Стокгольма к Або теряло смысл с открытием навигации.

Но в это время пришло Высочайшее повеление направить через Аланд в Швецию корпус от 10 до 12 тысяч человек. Это распоряжение явилось развитием того плана, который состоял в направлении главного удара не в Финляндию, а в южную часть Швеции.

Как только начал сходить лед, шведские галеры с десантным отрядом подошли к острову Кумблинге. Шведский десант вместе с вооруженными местными жителями атаковал отряд Вуича. Шведские галеры поддерживали атаку огнем тяжелых пушек. У Вуича же пушек не было вообще. После четырехчасового боя русские сдались. В плен попало 20 офицеров и 490 нижних чинов.

Последствия захвата шведами Аландских островов не замедлили сказаться весной 1808 г. Архипелаг стал плацдармом для десантных операций и операционной базой шведского флота.

20 февраля две дивизии под командованием генерал-лейтенанта Н. М. Каменского (сын фельдмаршала М. Ф. Каменского) осадили Свеаборг – самую мощную шведскую крепость в Финляндии, которую шведы называли «Гибралтаром Севера». Гарнизон крепости насчитывал 7,5 тысячи человек при 200 орудиях. Запасы снарядов, пороха и продовольствия были рассчитаны на многомесячную осаду. 22 апреля после 12-дневной бомбардировки Свеаборг капитулировал. Но исход битвы был решен не сталью и свинцом, а золотом. Ибо по знаменитому афоризму римского полководца Суллы, «стены крепости, которые не могут преодолеть легионы, легко перепрыгивает осёл, нагруженный золотом». Каменский просто подкупил коменданта Свеаборга вице-адмирала Карла Олофа Кронстедта. По условиям капитуляции весь гарнизон был отпущен в Швецию под честное слово не брать в руки оружие до конца войны.

В Свеаборге русские захватили шведскую гребную флотилию в составе 100 судов. Кроме того, с приближением русских в различных портах Финляндии сами шведы сожгли 70 гребных и парусных судов.

Густав IV решил начать наступление на датские войска в Норвегии. Поэтому шведам не удалось собрать значительных сил для операции в Финляндии. Тем не менее, с началом навигации 1808 г. король решил провести две десантные операции. В первой полковник Бергенстреле должен был выйти на судах из шведского порта Умео и высадиться в Финляндии в районе города Васа. Во второй операции генерал-майор барон фон Фегезак должен был через Аландские острова дойти до Або и занять его.

8 июня 1808 г. отряд Фегезака численностью 4 тысячи человек при восьми пушках беспрепятственно высадился у местечка Лемо в 22 верстах от города Або. Далее десантный отряд двинулся пешим порядком к Або, но по пути был встречен батальоном Либаковского полка при одной пушке под командованием полковника Вадковского.

Превосходящие силы шведов начали теснить солдат Вадковского, но вскоре ему на помощь пришла артиллерийская рота, несколько батальонов пехоты, эскадрон драгун и гусар. Шведы были вынуждены отступить к месту своей высадки у Лемо. Под прикрытием огня судо-

вой артиллерии шведам удалось эвакуироваться. Посланные Буксгевденом к Лемо пятнадцать русских гребных канонерских лодок вовремя не успели подойти. Благодаря этому шведские суда ушли за острова Нагу и Корно.

Летом 1808 г. положение русских войск в центральной Финляндии осложнилось. 2 июля шеститысячный отряд генерала Раевского, теснимый войсками генерала Клингспора и финскими партизанами, вынужден был отступить вначале к Сальми, а затем к местечку Алаво. 12 июля Раевский был заменен Н. М. Каменским, но и последнему тоже пришлось отступать до Таммерфорса.

20 августа корпус Каменского сразился с войсками Клингспора у деревни Куортане и одноименного озера. Шведы были разбиты и отступили к году Васа.

Вскоре Клингспор был вынужден оставить и Васу, и отошел на 45 верст севернее к деревне Оровайс. Там шведы закрепились и решили дать бой преследовавшему их корпусу Каменского. Семь тысяч шведов заняли позицию за болотистой речкой. Правый фланг шведов упирался в Ботнический залив, где стояло несколько шведских гребных канонерских лодок. На левом фланге начинались обрывистые утесы, окаймленные дремучим лесом.

В 8 часов утра 21 августа авангард под командованием генерала Кульнева атаковал шведские позиции. Атака Кульнева была отбита, и шведы начали его преследование. Но подошедшие на помощь два пехотных полка генерала Демидова опрокинули неприятеля и отогнали его. В середине дня на поле боя прибыл и сам Каменский с батальоном егерей и двумя ротами пехоты. В 3 часа дня шведы вновь атаковали, но тут подошли войска генерала Ушакова (приблизительно два полка). В результате шведы были вновь отброшены на исходные позиции. К этому времени уже стемнело. Ночью отряд Демидова пошел в обход через лес. Утром шведы увидели, что русские пытаются их окружить, и организованно отступили на север. Обе стороны потеряли почти по тысяче человек.

Ряд русских военных историков (П. А. Ниве, А. И. Михайловский-Данилевский и др.) считают Оровайское сражение «выдающимся образцом русского военного искусства». На самом же деле Каменский разбросал свои силы перед сражением, а затем по частям вводил их в дело. Результатом стал не разгром противника, а вытеснение его с позиции.

3 сентября отряд генерала Лантингсгаузена численностью в 2600 человек высадился с гребных судов у деревни Варанняя в 70 верстах севернее Або. Десант прошел успешно, но на следующее утро у деревни Локколакса шведы наткнулись на отряд Багратиона и были вынуждены отступить.

Тем временем у деревни Гельсинге близ Або был высажен новый шведский десант под началом генерала Боне. Сам Густав IV на яхте «Амадна» сопровождал суда с десантом. 14 и 15 сентября пять тысяч шведов Боне преследовали небольшие русские силы. 16 сентября у местечка Химайса шведы были контратакованы основными силами Багратиона. Шведы были разбиты и стали отступать к Гельсинге. В этот момент эскадрон гродненских гусар под командованием майора Лидерса атаковал отступающих. Шведы обратились в бегство. Около тысячи трупов шведов остались на поле битвы. 15 офицеров, 350 нижних чинов и 5 пушек стали трофеями русских.

Русская артиллерия подожгла деревню Гельсинге. Пожар, раздувавшийся сильным ветром, стал угрожать шведским судам, стоявшим у берега. Поэтому они вынуждены были уйти до окончания полной эвакуации уцелевших десантников. Все это происходило на глазах у Густава IV, наблюдавшего за сражением в подзорную трубу с борта яхты.

12 сентября генерал Клингспор предложил русскому главнокомандующему Буксгевдену перемирие, которое было заключено через пять дней (17 сентября) на мызе Лахтая. Однако Александр I не признал его, а назвал «непростительной ошибкой».

Буксгевден получил Высочайшее повеление продолжать боевые действия и приказал корпусу генерал-майора Тучкова двинуться из Куопио к Иденсальми и атаковать 4-тысячный шведский отряд бригадира Сандельса.

Шведы заняли позицию между двумя озерами, соединенными проливом. Поту сторону пролива были вырыты две линии окопов и установлены артиллерийские орудия.

К 15 октября Тучков подвел свой корпус к проливу. В составе корпуса было 8 пехотных батальонов, 5 эскадронов регулярной конницы и 300 казаков, всего около 5 тысяч человек. Шведы повредили мост через пролив. Но русские саперы под картечным и ружейным огнем восстановили его. По мосту русская пехота форсировала пролив и овладела первой линией окопов. В этот момент Сандельс ввел в дело резервы, и русские были отброшены за мост. В бою русские потеряли убитыми и пропавшими без вести 764 человека.

На следующий день шведы оставили свою хорошо укрепленную позицию и отошли на 20 верст к северу. Тучков же не решился преследовать противника и две недели стоял у моста, выставив на расстоянии пяти верст три сторожевые роты. Их-то и решил атаковать Сандельс. Ночью 30 октября шведский отряд внезапно атаковал русский авангард. Однако шведы были отбиты, потеряв убитыми и пленными 200 человек.

В начале ноября 1808 г. Буксгевден вновь вступил в переговоры со шведами. На сей раз он действовал осмотрительнее и заранее испросил в Петербурге разрешения на перемирие. Но подписать перемирие Буксгевдену не удалось – он получил Высочайший указ об увольнении от командования армией. Новым командующим был назначен генерал-лейтенант граф Н. М. Каменский. Он и подписал перемирие 7(19) ноября 1808 г. в деревне Олькийоки. С 7 декабря 1808 г. вместо Каменского главнокомандующим стал Б. Ф. Кнорринг. 7 апреля 1809 г. Кнорринга уволили.

Перемирие было заключено на срок с 7 ноября по 7 декабря 1808 г. По его условиям шведская армия очищала всю провинцию Эстерботтен (Эстерботнию) и отводила войска за реку Кеми, в 100 км к северу от города Улеаборг. Русские войска занимали город Улеаборг и выставляли пикеты и сторожевые посты по обе стороны реки Кеми, но не вторгались в Лапландию и не пытались достичь шведской территории у Торнео. 3 декабря 1808 г. перемирие было продлено до 6 (18) марта 1809 г.

В 1808 г. англичане ввели свой флот на Балтику, но помочь шведам он не мог. Единственный эффект от присутствия англичан состоял в том, что русский корабельный флот был стеснен в своих действиях. Зато галерный флот успешно оперировал в Аландских шхерах.

К началу 1809 г. положение шведов стало безнадежно. Английский флот был готов к кампании 1809 г., но было ясно, что «просвещенные мореплаватели» будут захватывать купеческие корабли, нападать и грабить незащищенные города и селения на побережье, посылать же британскую армию в Швецию или Финляндию британский кабинет и не собирался. Да и Кронштадт – не Копенгаген, соваться туда также не входило в расчет британского адмиралтейства.

Тем не менее, упрямый Густав IV решил продолжать войну в 1809 г. При этом он приказал оставить боеспособные части шведской армии в Шонии (на юге) и на границе с Норвегией, хотя особой опасности от датчан в 1809 г. не предвиделось.

Для непосредственной обороны Стокгольма было набрано 5 тысяч человек. На Аландах удалось собрать 6 тысяч регулярных войск и 4 тысячи ополченцев. Оборона Аландских островов была возложена на генерала Ф. Дебельна.

В феврале 1809 г. Александр I сменил верховное командование русских войск в Финляндии. Командовать южным корпусом русских войск вместо Витгенштейна стал Багратион. Центральным корпусом вместо Д. В. Голицына командовать стал генерал-лейтенант Барклай де Толли, а северным корпусом вместо Тучкова 1-го – П. А. Шувалов.

План кампании на 1809 г. был составлен русским командованием тактически и стратегически грамотно, хотя можно сказать, разумной альтернативы ему и не было.

Северный корпус, базировавшийся на Улеаборг, должен был двигаться вдоль Ботнического залива и вторгнуться на территорию непосредственно Швеции. Центральный корпус, базировавшийся на город Васа, должен был форсировать по льду Ботнический залив через шхеры и пролив Кваркен (современное название Норра-Кваркен) и выйти на шведское побережье.

Аналогичная задача ставилась и южному корпусу, дислоцированному между городами Нюстад и Або. Корпус должен был достичь Швеции по льду через острова Аландского архипелага.

Рассмотрим действия русских корпусов, начиная с северного и кончая южным.

6 (18) марта генерал Шувалов известил командующего северной группой шведских войск Гринпенберга о прекращении перемирия. Шведы ответили на это сосредоточением войску городка Калике в 10 верстах западнее города Торнео. Между тем 6 марта русские войска перешли через реку Кемь и двинулись на запад вдоль побережья.

Шведский авангард, находившийся в городе Торнео, не принял боя, а поспешно отступил, бросив в городе 200 больных солдат.

Войска Шувалова при тридцатиградусном морозе делали переходы по 30–35 верст в день. Подойдя к Каликсу, Шувалов предложил Гринпенбергу сдаться, но швед отказался. Тогда основные силы русских начали фронтальное наступление на Калике, а колонна генерала Алексева пошла в обход по льду и отрезала Гринпенбергу путь к отступлению. Шведы прислали парламентаров с просьбой о перемирии. Шувалов на перемирие не согласился, а потребовал полной капитуляции, дав срок – 4 часа.

Условия русских были приняты, и 13 марта Гринпенберг подписал акт о капитуляции. Его корпус складывал оружие и расходился по домам под честное слово больше не воевать в эту войну. Финны ушли в Финляндию, а шведы – в Швецию. Всего сдалось 7 тысяч человек, из которых было 1600 больных. Трофеями русских стали 22 орудия и 12 знамен. Все военные склады (магазины) вплоть до города Умео должны были быть в неприкосновенности переданы русским. Как писал военный историк Михайловский-Данилевский, каликская операция «разрушила последнее звено, соединявшее Финляндию со Швецией».

По плану центральный корпус Барклая де Толли должен был насчитывать 8 тысяч человек. Но большая часть сил корпуса задержалась на переходе к Васе. Барклай же, опасаясь, что скоро начнется таяние льда, приказал наступать с уже прибывшими в Васу частями. Всего в его корпусе оказалось 6 батальонов пехоты и 250 казаков (всего 3200 человек) при шести пушках.

6 марта на сборном пункте был отслужен молебен и зачитан приказ, в котором Барклай, не скрывая предстоящих трудностей, выражал уверенность, что «для русских солдат невозможного не существует».

В тот же день был отправлен первый батальон для прокладки дороги. Следом за ним с целью разведки и захвата передовых шведских постов в шестом часу вечера выступил летучий отряд Киселева (40 мушкетеров Полоцкого полка на подводах и 50 казаков). После тринадцатичасового перехода отряд Киселева подошел к острову Гроссгунду, где захватил неприятельский пикет. Шведы были также обнаружены на острове Гольме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.